

Х годъ
изданія
1907 г.

СОДЕРЖАНІЕ

Къ вопросу объ обложеніи театровъ промысловымъ налогомъ.—Хроника.—Какъ принимаются пьесы къ постановкѣ на Императорскихъ театрахъ? *А. Френкеля*.—Театръ и толпа. *А. Амфитеатрова*.—Письма странствующаго корреспондента. *Б. Камнева*.—Изъ воспоминаній о Чеховѣ. *И. Л. Щелкова*.—Замѣтки. *Ното Нович*.—Къ сезону въ провинціи. — Письма въ редакцію.—Маленькая хроника.—Провинціальная лѣтопись.—Объявленія.

Рисунки и портреты: † М. Н. Воронцова-Ленни, Г-жа Брунь, Г. Камонскій, „Жизнь человѣка“ (2 рис.), А. П. Чеховъ (2 рис.), шаржи (2 рис.).

ПОДПИСКА

на

„Театръ и Искусство“

на годъ 7 руб., на полг. 4 руб.

(Прилож.: ежемѣсячный журн. Библиотекна Театра и Искусства*).

Отд. № 1 по 20 к.

Объявл.—40 к. строка петита (въ 1/3 стран. воязид текста, 50 к.—передъ текстомъ).

С.-Петербургъ. Гороховая, 4.

Телеф. 1669.

Адресъ для телеграммъ:

С.-Петербургъ. Театръ Искусства.

КОНТОРА ЖУРНАЛА ВЫСЫЛАЕТЪ НЕМЕДЛЕННО ВСѢ НОВИНКИ.

Новыя изданія „Театра и Искусства“:

„**ЧОРТУШКА**“, въ 4 д. А. Амфитеатрова (на пин. маш.). Цѣна пещ. экз. 6 р.
„**Пляска семи покрывалъ**“, Уайлда, присп. для русской сцены, бар. Радешевской, п. 1 р., „**Очень просто**“, к. въ 1 д. В. Рышкова, п. 75 коп.
„**Обреченные**“ (послѣд. новинка Лит. Худ. Общ.), въ 4 д. А. Немайлова. Ц. 2 р.
„**Братья-помѣшники**“ (послѣдняя новинка Лит. Худ. Общ.) въ 4 д. Л. Л. Толстого, п. 2 р.
„**Идеальный мужъ**“, въ 4 д. О. Уайлда, перев. О. Н. Поповой. Ц. 2 р.
„**Честный человѣкъ**“ (новинка Малаго театра). Ц. 2 р.
„**Мастъ**“, „**Стѣны**“, „**Силень**“.

„**Жизнь человѣка**“, Д. Андреева (цензур.) 3 р. 50 к., „**Клоуизъ**“, А. Куприна (цензур.) 3 р., „**Мѣсть Моріани**“ (новое продолженіе „Шерока Холмса“) въ 4 д. Н. А. Смуркаго. Цензур. рукоп. экз.—5 р., „**Въ сумеркахъ разсвѣта**“ въ 4 дѣйств. В. Гейера. Цензур. рукоп. экз. 5 р., „**9-е Теркидора**“ (изъ хроникъ французской революціи), др. въ 1 д. М. Сукевичкова п. 75 к. (цѣн. 2 р. 75 к.), „**Золотыя пути**“ („Золотыя оковы“) ком. въ 4 д. Вѣде, перев. К. Ларина п. 2 р.

Полныя комплекты ролей:

„**Вогъ мѣст**“, Шолома Ама Цѣна 3 р. 50 к. (съ пещей 9 р.)
„**Братья-помѣшники**“, Л. Л. Толстого. Цѣна 5 р. (съ пещей 7 р., цѣн. 9 р.)
„**Честный человѣкъ**“ 4 руб. (съ пещей 6 руб.)
„**Долгъ**“ 3 р. 50 к. (съ пещей 5 р. 50 к.)
„**Шерока Холмса**“, пьеса и дѣл. възема. (6) мѣсто ролей . . . 3 руб.

ОТКРЫТА

ПОЛУГОДОВАЯ (съ 1-го іюля) ПОДПИСКА

на „ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО“

(Прил.: ежемѣс. журн. Библиотекна Т. и Иск.).

Цѣна 4 руб.

Съ 1-го Января 7 руб.

Бюро переписки

на пишущихъ машинахъ открыто при
конторѣ „Театръ и Искусство“.

ПЕРЕПИСКА ПЬЕСЪ.

Изъ воспоминакій о Чеховѣ *)
И. Л. Щеглова.

...Пьесъ Чеховъ еще не писалъ, и одноактная шутка «Сила гипнотизма», о которой онъ вскользь упоминаетъ въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ, такъ и

*) 2 іюля—третья годовщина смерти А. П. Чехова. Нѣжный талантъ покойнаго, такъ много сдѣлавшаго для обновленія русскаго театра, не сразу и не безъ борьбы прилѣпился къ сценѣ. Отрывки изъ воспоминаній И. Л. Щеглова живо рисуютъ первые шаги покойнаго поэта.

Прим. ред.

осталась неиспользованной... Это была чуть-ли не единственная изъ тогдашнихъ чеховскихъ импровизаций въ драматической формѣ, изъ коей, впрочемъ, въ моей памяти сохранилась лишь часть «сценарія»...

Какая-то черноглазая вдовушка вскружила головы двумъ своимъ поклонникамъ; толстому маіору съ превосходнѣйшими маіорскими усами и юному, совершенно безусому, аптекарскому помощнику. Оба соперника—и военный, и штатскій,—отъ нея безъ ума и готовы на всякія глупости ради ея жгучихъ очей, обладающихъ, по ихъ увѣренію, какой-то особенной демонической силой. Происходитъ забавная любовная сцена между соблазнительной вдовушкой и толстымъ маіоромъ, который, пыхтя, опускается передъ вдовушкой на колѣни, предлагаетъ ей руку и сердце и клянется, что изъ любви къ ней пойдетъ на самыя ужасныя жертвы. Жестокая вдовушка объявляетъ влюбленному маіору, что она ничего не имѣетъ противъ его предложенія и что единственное препятствіе къ брачному поцѣлюю... щетинистые маіорскіе усы. И, желая испытать демоническую силу своихъ очей, вдовушка гипнотизируетъ маіора и гипнотизируетъ настолько удачно, что маіоръ молча поворачивается къ дверямъ и направляется непосредственно изъ гостиной въ первую попавшуюся цырюльню. Затѣмъ происходитъ какая-то водевильная путаница, подробности которой улетучились изъ моей головы, но въ результатѣ которой получается полная побѣда безусаго фармацевта. (Кажется, предприимчивый женихъ, пользуясь отсутствіемъ соперника, подсыпаетъ вдовушкѣ въ чашку кофе любовный порошокъ собственнаго изобрѣтенія). И вотъ, въ тотъ самый моментъ, когда вдо-

А. П. Чеховъ студентъ.

вушка падаетъ въ объятія аптекаря, въ дверяхъ появляется загипнотизированный маіоръ и, при томъ, въ самомъ смѣшномъ и глупомъ положеніи: онъ только-что сбросилъ свои великолѣпные усы... Разумѣется, при видѣ коварства вдовушки, «сила гипнотизма» моментально кончается, а вмѣстѣ съ тѣмъ кончается и водевиль.

Помню, надъ послѣдней сценой, т.-е. появленіемъ маіора безъ усовъ, мы оба очень смѣялись. Повидимому, «Силъ гипнотизма» суждено было сдѣлаться уморительнѣйшимъ и популярнѣйшимъ изъ русскихъ фарсовъ.

«Вы хотите спорить со мной о театрѣ? — писалъ

Чеховъ—Современный театръ—это міръ безтолочи, тупости и пустозвонства?»

Эта завѣдомая нелюбовь къ театру, какъ къ чему-то искусственному и низшему по существу, проходитъ доминирующей нотой въ большинствѣ писемъ Чехова, въ особенности въ началѣ его литературной дѣятельности.

Драматургомъ же сдѣлался онъ, можно сказать, нечаянно, попавъ однажды въ театръ Корша на представленіе заигранной одноактной пьески «Побѣдителей не судятъ» (сюжетъ пьески вертится на укрощеніи грубаго, но добродушнаго моряка великосвѣтской красавицей). «Побѣдителей не судятъ»—передѣлка съ французскаго и довольно-таки топорная, изящной салонной вещицы Пьера Бертонна «Les jurons de Cadillac», въ которой восхищали въ шестидесятыхъ годахъ въ Михайловскомъ театрѣ петербургскую публику г-жа Напталъ-Арно и г. Дьёдонне. У Корша отличались г-жа Рыбчинская и г. Соловцовъ, находившійся, кстаті сказать, въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Чеховымъ. Соловцовъ своей дюжей фигурой, зычнымъ голосомъ и рѣзкой манерой, подходившей какъ нельзя болѣе къ заглавной роли, настолько понравился Чехову, что у него, какъ онъ самъ мнѣ рассказывалъ, явилась мысль написать для него «роль»... нѣчто въ родѣ русскаго медвѣдя взамѣнъ французскаго.

Такимъ образомъ появился на свѣтъ водевиль «Медвѣдь»—чеховскій театральнй первенецъ, жизненностью и оригинальностью оставившій далеко за флагомъ своихъ шаблонныхъ водевильныхъ сверстниковъ.

Сценическій успѣхъ «Медвѣдя» не помѣшалъ, однако, Чехову критически отнестись къ самому исполненію. «Соловцовъ игралъ феноменально,—пишетъ онъ мнѣ, цитируя любимое словечко режиссера театра Корша.—Рыбчинская была прилична и мила. Въ театрѣ стоялъ непрерывный хохотъ; монологи обрывались аплодисментами. Въ 1-е и 2-е представленіе вызывали и актеровъ, и автора. Всѣ газетчики, кромѣ Васильева, расхвалили... Но, душа моя, играютъ Соловцовъ и Рыбчинская не артистически, безъ оттѣнковъ, дуютъ въ одну ноту, трусятъ и проч. Игра топорная». И заключаетъ съ особымъ добродушнымъ юморомъ: «Послѣ перваго представленія случилось несчастье: кофейникъ убилъ моего медвѣдя. Рыбчинская пила кофе, кофейникъ лопнулъ отъ пара и обварилъ ей лицо. Второй разъ играла Глама, очень прилично. Теперь уѣхала въ Питеръ и, такимъ образомъ, мой пушной звѣрь поневолѣ издохъ, не проживъ и трехъ дней».

Почти одновременно явился на свѣтъ непредвидѣнный «драматическій выкидышъ» (слова Чехова) уже въ видѣ большой четырехъактной комедіи. Чеховъ не даромъ называлъ своего Иванова «выкидышемъ»: если «Медвѣдь» написанъ былъ для Соловцова, что называется, въ одинъ присѣсть, то «Ивановъ» былъ набросанъ чуть-ли не на пари съ Коршемъ въ какихъ-нибудь двѣ недѣли, тотъ самый «Ивановъ», который впоследствии произвелъ такой фуроръ на Александринской сценѣ. Въ этотъ же «сезонъ», по его собственному свидѣтельству (письмо А. Н. Плещееву), онъ написалъ «Степь», «Огни» и массу мелкихъ рассказовъ... Это былъ ослѣпительный взрывъ чеховскаго таланта, окрыленнаго шумнымъ литературнымъ успѣхомъ!.. Добавьте къ этому, что въ промежутокъ, между дѣломъ, онъ еще выпустилъ преуморительный одноактнй водевиль «Предложеніе», сдѣлавшійся сразу любимѣйшимъ дѣтищемъ провинціальныхъ сценъ.

Вообще, надо сказать, къ веселому остроумному водевилю Чеховъ питалъ явную слабость и въ театрѣ

особенно любилъ смотрѣть веселыя пьесы. И мнѣ, и другимъ онъ не разъ повторялъ, что «написать хорошій водевилъ—труднѣйшая штука», подразумѣвая подъ словомъ «хорошій» искреннюю вспышку человѣческаго смѣха...

Когда нѣсколько лѣтъ спустя, въ одно изъ нашихъ московскихъ свиданій, я попенялъ Чехову, отчего онъ не написалъ обѣщаннаго водевиля («Сила гипнотизма»), Чеховъ задумчиво, какъ бы про себя, проговорилъ:

— Ничего не подѣлаешь... нужнаго настроенія не было! Для водевиля нужно, понимаете, совсѣмъ особое расположеніе духа... жизнерадостное, какъ у свѣжеиспеченнаго прапорщика; а гдѣ его возьмешь, къ лѣшему, въ наше время?.. Да, Жанъ, написать искренній водевилъ далеко не послѣднее дѣло!!!

Слѣпно написанный, еще болѣе слѣпно разыгранный артистами театра Корша и возбудившій разногласію въ московской прессѣ, «Ивановъ» къ концу разстроилъ нервы Чехову, когда авторъ, въ виду постановки пьесы на петербургской казенной сценѣ, принялся за передѣлку и взглянулъ на нее строгимъ окомъ художника... Впрочемъ, каждому оригинальному драматургу извѣстно, что гораздо легче написать новую пьесу, чѣмъ передѣлать старую, а Чехову пришлось вдобавокъ, переработать все кореннымъ образомъ... Разница между московскимъ и петербургскимъ «Ивановымъ» получилась разительная, доходившая до послѣдней корректурной крайности, если вспомнить, что у Корша «Ивановъ» умиралъ отъ разрыва сердца, а на Александринской сценѣ застрѣливался изъ револьвера...

На его авторское счастье, пьеса шла въ бенефисъ режиссера Александровскаго театра Ф. А. Федорова-Юрковскаго (бенефисъ за 25-лѣтнюю службу), въ виду чего роли были распредѣлены между лучшими силами труппы, безъ различія ранговъ и самолюбій. Ансамбль вышелъ чудесный, и успѣхъ получился огромный.

Публика принимала пьесу чутко и шумно съ перваго акта, а по окончаніи третьяго, послѣ заключительной драматической сцены между Ивановымъ и больной «Саррой», съ увлеченіемъ разыгранной В. Н. Давыдовымъ и П. А. Стрепетовой, устроила автору, совмѣстно съ юбиляромъ-режиссеромъ, восторженную овацію. Исполненіе, дѣйствительно, должно было польстить Чехову; даже такая значительная эпизодическая роль помѣшаннаго на картахъ акцизнаго «Косыхъ» въ лицѣ покойнаго Арди вылилась въ яркій комическій типъ. Превосходны были Варламовъ и Жулева (супруги Лебедевы) и прямо великолѣпенъ Свободинъ въ роли опустившагося язвительнаго графа Шабельскаго.

Незадолго до представленія «Чайки», г. Щегловъ получилъ отъ А. П. изъ Мелихова сообщеніе объ этомъ въ самомъ жизнерадостномъ тонѣ.

Но уже наканунѣ спектакля я видѣлъ Чехова далеко не въ розовомъ настроеніи. Онъ только-что вернулся съ репетиціи «Чайки» и имѣлъ видъ совсѣмъ нездоровый, пилъ усиленно содовую воду и въ антрактахъ рѣзко критиковалъ исполнителей (кромѣ В. Ф. Коммисаржевской, которая, по его замѣчанію, одна вела роль въ надлежащемъ тонѣ).

Что же такое случилось?

А вотъ возьмемте на удачу любую изъ петербургскихъ газетъ, вышедшихъ на другой день юбилейнаго бенефиса Левкѣевой...

«Вчерашнее юбилейное торжество омрачено было безпримѣрнымъ скандаломъ. Такого головокружительнаго паденія пьесы мы не запомнимъ»...— читаю въ одной газетѣ.

Разворачиваю другую:

А. П. Чеховъ на смертномъ одрѣ.

«Чехова «Чайка» погибла: ее убило единогласное шиканье всей публики. Точно миллионы пчелъ, ось и шмелей наполнили воздухъ зрительнаго зала—до того сильно и ядовито было шипѣнье»...

Бѣдному автору ставилось рѣшительно все въ вину, самыя простыя мелочи!...

На сценѣ въ первомъ актѣ, послѣ захода солнца, темнѣетъ.

— Почему это вдругъ стало темно?.. Какъ это нелѣпо!—слышу чей-то голосъ позади моего кресла.

Во второмъ актѣ Треплевъ (Аполлонскій) кладетъ у ногъ Нины Зарѣчной (Коммисаржевская) убитую чайку. Рядомъ со мной опять кто-то ворчитъ:

— Отчего это Аполлонскій все носится съ какой-то дохлой уткой? Экая дичь, въ самомъ дѣлѣ!..

Вотъ вамъ, на семилѣтнемъ промежуткѣ, два торжественные спектакля—и какая разница въ результатахъ!.. И какая иронія!—добавилъ бы я, если вспомнить, что Чеховъ рѣшительно не любилъ своего «Иванова» и называлъ его «Болвановымъ», «психопатической пьесой», и искренно удивлялся, когда она увеличивала его доходы... Лично мнѣ онъ какъ-то высказался объ «Ивановѣ», что это одна изъ тѣхъ пьесъ, «которая никогда не всосется въ репертуаръ и будетъ даваться въ провинціи лишь въ экстренныхъ случаяхъ, когда у антрепренера изсякнетъ запасъ новинокъ». «Чайку» же Чеховъ любилъ затаенной ревнивой любовью кровнаго художника.

Меланхолическая, какъ вечерняя заря, «соната Шуберта» была разыграна въ тонѣ Стравинскаго «Персидскаго марша». Послѣ этого чего-же удивляться, если въ результатѣ получилась невообразимая какофонія?

Повторяю, Чеховъ не любилъ театра, и его связь со сценой была не столько органической, сколько экономической; но разъ театръ его полюбилъ и обогатилъ («Ивановъ» и «Медвѣдь»), Чеховъ не могъ остаться равнодушнымъ къ его судьбамъ и изъ драматурга-импровизатора превратился въ драматурга-новатора, вдумчиваго искателя новыхъ формъ и настроеній...

Эти исканія тревожили его еще задолго до появленія «Чайки». Помню, дня за два, за три до петербургскаго представленія «Иванова» онъ очень волновался его недостатками и условностями и импровизировалъ мнѣ по этому поводу мотивъ со-

всѣмъ своеобразнаго одноактнаго драматическаго этюда «Въ кормчѣ» — нѣчто въ родѣ живой картины, отпечатлѣвавшей въ перемежающихся настроеніяхъ повседневную жизнь толпы...

— Понимаете, при поднятіи занавѣса на сценѣ совсѣмъ темно, хоть глазъ выколи... За окномъ гроза, въ трубѣ воетъ вѣтеръ и молнія изрѣдка освѣщаетъ группы ночлежниковъ, спящихъ въ-повалку, какъ попало... Кормча грязная, неприютная, съ сырыми облѣзлыми стѣнами... Но вотъ буря стихаетъ... слышно, какъ визжитъ дверь на блокѣ, и въ кормчу входитъ новый человѣкъ... какой-нибудь заблудившійся прохожій — лицо интеллигентное, утомленное. Свѣтаетъ... Многіе пробуждаются и съ любопытствомъ оглядываютъ незнакомца... Завязывается разговоръ, и такъ далѣе. Понимаете, что-нибудь въ этомъ духѣ?.. А насчетъ «Иванова» оставьте, — рѣзко оборвалъ онъ: — это не то, не то!.. Нельзя театру замерзнуть на одной точкѣ.

Какъ ни случайна и отрывочна приведенная драматическая фантазія, но она очень характерна для Чехова, какъ драматурга, и можетъ быть отмѣчена, какъ первый зародышъ «пьесы съ настроеніемъ».

